

ББК 67.3

В.В. Клочков**ИДЕЯ И ИНСТИТУТ СОБСТВЕННОСТИ В АНГЛИИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ**

Целью настоящей работы является анализ идеи собственности и ее институционального воплощения в рамках фиксированных в праве и юридических процедурах гарантий. Применительно к истории Англии в раннее Новое время гипотеза выглядит так: оформление конституционной монархии, ограничение прерогативных полномочий короны и признание неотъемлемых прав личности стало возможным благодаря приватизации собственности и господству права, что является недостающим элементом успешной модернизации.

Идея собственности; институт собственности; право собственности; история институтов; институциональный анализ; конституционная монархия; прерогативные полномочия; Англия в раннее Новое время.

V.V. Klochkov**THE IDEA AND INSTITUTE OF PROPERTY IN EARLY MODERN ENGLAND**

The aim of an article is the analysis of idea of the property and its institutional embodiments within the limits of fixed in the law and legal procedures of guarantees. With reference to history of Early Modern England the hypothesis looks so: the formation of constitutional monarchy, restriction of royal prerogative and a recognition of inalienable laws of the person became possible thanks to privatization of property and rule of law that is a missing element of successful modernization.

The idea of property; an institution of property; legal foundations of property; history of institutions; institutional analysis; constitutional monarchy; royal prerogative; Early Modern England.

Идея этой работы формировалась под влиянием множества факторов, на первый взгляд, мало связанных между собой. Довольно давно замечание Ж. ле Гоффа о том, что историк всегда предпочитает человеческие существа абстракциям, но не в состоянии понять их иначе, чем в рамках тех социальных и правовых институтов, в которых они жили, серьезно повлияло на формирование интереса к истории институтов и проблемам институционального анализа [1. С. 124-125]. Впоследствии профессиональное изучение средневековых и раннесовременных политических институтов Англии привело (точнее, не могло не привести) к сначала угадываемому интуитивно, а затем все более отчетливому пониманию их особой по сравнению с континентальной Европой природы и роли, которую они сыграли в процессе эволюции английского общества в раннее Новое время.

Вопрос о том, почему именно английские политические институты и английское право обеспечили социальный консенсус и устойчивый экономический рост, традиционно задавался поколениями историков: от знатока английской конституционной истории начала XIX в. Г. Халлама до современного шотландского историка А. Макфарлейна [2]. Последний отметил, что верное понимание того, почему промышленная революция ранее всего произошла в Англии, позволил бы стимулировать экономический рост где угодно. С другой стороны, институциональный анализ политических процессов в современной России, предпринятый, в частности, Е. Гайдаром [3], заставлял задуматься и над тем, почему аналогичный английскому результат оказался недостижим для российского общества.

Направление поиска «недостающего элемента» в институциональной системе, отсутствие которого обрекало модернизационные усилия на неудачу, было задано несколькими работами Э. де Сото [4]. Перуанский исследователь обратил внимание на явную неубедительность аргумента о том, что успехи и неудачи мо-

дернизации объясняются исключительно культурными различиями. Это замечание натолкнуло на мысль о том, что должно быть нечто еще, более отчетливое и поддающееся изменению. Пониманию того, что этим недооцениваемым элементом является институт юридически защищенной частной собственности, способствовали работы Р. Пайпса и Т. Бетелла [5]. Завершили поиск направления исследования полушутливые замечания Ф. Мейтленда, некогда оброненные им в инаугурационной речи по случаю назначения профессором права Даунинг-колледжа в Кембридже. Он заметил тогда, что «феодальная система была не столько средневековой реальностью, сколько первым очерком сравнительного правоведения» и что «мы фактически ничего не слышим о феодальной системе в Англии до тех пор, пока она не перестает существовать» [6. Р. 48, 142].

По мере работы над темой росла убежденность в том, что именно собственность является той линзой, которая позволяет исследовать кажущиеся несвязанными события. Наибольший интерес с этой точки зрения представляет исследовательская область, где пересекаются право и теория собственности, а также те объяснения места и исторической роли общественных институтов, которые такое исследование способно дать. Применительно к данной работе это означает попытку ответа на вопрос, каким образом идея собственности в том виде, как она существовала в раннесовременной Англии, способствовала становлению института собственности и его правовой защите, и каким образом сложившееся распределение собственности в послереволюционный период повлияло на достижение социального консенсуса.

Если отталкиваться от шуточных замечаний Мейтленда, то будет верным добавить, что с «первым очерком сравнительного правоведения» англичан познакомил юрист Генри Спелмен (1588-1641), выдвинувший идею о том, что существует некая общая система, позволяющая обнаружить родство между английским и европейским правом. Основой этой системы со времен Уильяма Блэкстоуна (1723-1780) считали феодальное земельное право: арендатор нанимал землю своего господина, тот, в свою очередь, у владыки более высокого ранга, и так вплоть до короля – владельца всех земель. Но проблема состоит в том, что английское право ничего подобного в явном виде не фиксирует. Более того, среди выдающихся юристов XIII – XVII вв. никто – ни Генри Брактон (1210-1268), ни Джон Фортезкью (1394-1476), ни Э. Кок (1552-1634), не сказали об этом ни слова. Блэкстоун полагал, что в этом просто не было нужды, поскольку «все и так об этом знали» [7. С. 172-181].

Именно это «упрощение» Блэкстоуна Мейтленд посчитал наиболее существенным, иронически отметив, что «своего наивысшего развития феодальная система достигла в середине XVIII в. – в трудах правоведа Уильяма Блэкстоуна» [6. Р. 68]. Он также указал на природу этого «упрощения»: Брактон получил свои знания о собственности из римских книг и рассуждал языком римского права. С этой точки зрения владельцем земли является последний в феодальной иерархии и именно ему принадлежит *dominium rei, proprietatem* (собственность и право владения в терминологии римского права). Позднее идею Мейтленда поддержал А. Макфарлейн, указавший, что «если детально изучать приходские и манориальные списки, то Англия в 1250 г. представляется столь же «капиталистической», как в 1550-м или 1750 г.» [8. Р. 195-196].

Предположение Макфарлейна носит, безусловно, полемический характер. Однако оно показательное как иллюстрация того бесспорного факта, что английское право к раннему Новому времени уверенно отличало личную собственность от семейной и групповой. Ферма была отделена от семьи, земля продавалась и покупалась так, будто существовала полноценная частная собственность. Это пред-

положение также не покажется большим преувеличением, если учесть, что в раннее Новое время отношение к собственности в Англии серьезно изменилось. До этого «собственность» означала главным образом владение землей, а поскольку земля была неотделима от прав суверенной власти, обсуждение вопроса о собственности неизбежно приводило к обсуждению королевской прерогативы. С подъемом торговли собственность в Англии стала также означать капитал. Капитал же с политикой не связывали, его воспринимали как личное имущество и в качестве такового безоговорочно считали достоянием собственника.

Одно из первых обращений к естественному праву как основанию собственности можно найти у Жана Бодена (1530-1596) в его трактате «Шесть книг о республике» (1576 г). Задачей Бодена было обоснование королевской прерогативы, что он и сделал, предложив непривычное толкование полномочий суверенного правителя как «не ограниченных ни властью, ни обязанностями, ни временем». Под отсутствием ограничений Боден понимал свободу от ограничений, налагаемых человеческой волей и человеческими законами. Однако суверен следует также божественному и естественному праву, что требует от него соблюдения и уважения прав собственности его подданных на том основании, что «каждому следует воздать должное». Обладающее собственностью домашнее хозяйство является основой государства. Власть суверена останавливается у порога домашнего хозяйства. Власть (*imperium* или *potestas*) не следует смешивать с собственностью (*dominium* или *proprietas*). В своем трактате Боден сформулировал основополагающий принцип западной политической теории и практики: государство не может предъявлять никаких прав на чью-либо частную собственность [9. С. 46-47].

Еще одним теоретиком, который, используя ссылки на естественное право, значительно помог утвердиться представлению о неприкосновенности собственности, был голландский юрист Гуго Гроций (1583-1648). В трактате «О праве войны и мира» (1625 г.) главная посылка состоит в том, что все люди обязаны сохранять общественный мир и что главным условием мира в сообществе является уважение прав друг друга, среди которых видное место принадлежит правам собственности [10. С. 142-147].

Таким образом, в течение XVII в. в Европе широко распространилось мнение, что существует естественное право, одним из установлений которого является неприкосновенность частной собственности. Более того, признанием за подданными права на пользование их собственностью оправдывался отказ им в политических правах, поскольку, на основах взаимности, подданные должны были предоставить суверену полную свободу действий в прерогативной сфере и управлении государством.

В Англии XVII в. эти идеи приобрели непосредственное политическое значение. С самого начала конфликта между короной и общинами делались ссылки на «прирожденное право» англичан. Это понятие появилось в XVI в., но тогда оно означало наследственное достояние, т. е. нечто, на что мог предъявлять право родившийся в семье, обладавшей определенными правами, например, правом претендовать на корону. Теперь оно обрело много более широкое значение и включило в себя права, которыми любому человеку дано пользоваться просто потому, что он человек. В 1640 г. в прениях по поводу «корабельных денег», широко воспринимавшихся как незаконный налог, один член парламента утверждал, что подданные короля «имеют природенное право на законы королевства» [11. Р. 18].

Более практический взгляд на прерогативы короны в отношении ее подданных и их собственности предложил в трактате «Океания» (1656 г.) Джеймс Харрингтон. Он первым выдвинул политическую теорию, которая рассматривала поли-

тическую власть как следствие распределения собственности между государством и населением [12. Р. 108].

Последователем Харрингтона был Генри Невилл, сочинение которого «Воскрешенный Платон» (*Plato Redivivus*) вышло в свет в 1681 г. Однако еще в 1658 г. Невилл призывал палату общин обратить внимание на произошедший в Англии резкий сдвиг в отношении собственности: «Общины до Генриха VII никогда не голосовали против и все зависело от лордов. В те времена трудно было бы найти в этой палате так много джентльменов, владеющих землей. Сейчас джентри не зависят от лордов. Сила на стороне джентри. Вся земля в их руках».

По оценке Невилла, после реставрации король удержал в своей собственности всего лишь десятую часть земли, тогда как остальные девять десятых перешли в руки его подданных: «Последствия же такие: естественная часть нашей (системы) управления, а ею является власть, следом за собственностью перешла в руки народа; в то же время искусственная ее часть, и это пергамент, письменно удостоверяющий форму правления, сохраняется как ее каркас» [13. Р. 118-122].

Итак, идеи собственности, имевшие хождение в Англии в раннее Новое время, имели ясный и однозначный политический смысл: король не должен нарушать ни одно из прав собственности своих подданных. Если он такое допускает, то оказывается в состоянии войны с ними и повиноваться ему не следует. Частная собственность неприкосновенна – этот принцип в Англии и ее владениях стал в XVII в. общепринятым. Более того, представление, что простейший вид нашей собственности это мы сами, означает, что собственность по необходимости предполагает свободу. Утверждать, что мы «принадлежим себе», то есть являемся своей «собственностью», равносильно утверждению, что мы вольны располагать собой, в чем и состоит смысл свободы.

Раннесовременные идеи собственности получили свое институциональное воплощение в реформах английского права революционной эпохи. Предваряя анализ того, каким образом англичане получили возможность гарантировать себе юридически защищенное право обладать собственностью, необходимо отметить два важных обстоятельства.

Во-первых, английские пуритане видели в реформах права богоугодное дело. Они искренне верили, что Бог заповедал реформацию всего мира. Убежденность в том, что «всякое растение, которое не посадил Отец наш небесный, должно быть вырвано с корнем» немало способствовало устранению прерогативных судов английской короны [14. С. 116].

С другой стороны, следует иметь в виду, что укоренившийся в современной историографии взгляд, в соответствии с которым право справедливости представляло собой не систему правосудия, а способ защиты деспотических притязаний ранних Стюартов, нуждается в уточнении [15. С. 116]. Именно анализ правовых реформ дает ключ к пониманию институционального закрепления права собственности в раннесовременной Англии.

Не требует доказательств тот факт, что английское конституционное право в период с 1640 по 1689 гг. претерпело довольно радикальные изменения. Было установлено верховенство парламента, а прерогативные суды, созданные королями династии Тюдоров, были упразднены. Напротив, суды общего права приобрели статус высших судов, а судьям были дарованы пожизненные полномочия. Наконец, королевская власть была ограничена писаным Биллем о правах (1679), а принцип веротерпимости распространился и на протестантские конгрегации.

Куда менее бесспорны масштабы и природа перемен в иных отраслях права. Обычно отмечается, что в раннесовременный период имело место постепенное развитие английской правовой системы, а не стремительные фундаментальные

перемены, обусловленные внешними для права обстоятельствами. До сих пор остается актуальна идея профессора права Чарльза Планкетта, высказанная в начале прошлого века, об удивительной целостности и преемственности английского права во всех перипетиях XVII в. [15. С 120].

Не отвергая подобного предположения в целом (тем более, что в отношении эволюции процессуальных аспектов английского права оно вполне справедливо), возможно предложить несколько иное объяснение. Смысл его состоит в том, что в раннее Новое время произошли значительные перемены в области не только конституционного, но и частного права, позволившие зафиксировать и гарантировать юридически те отношения собственности, которые сложились в результате политических перемен XVII в. Это позволяет практически проследить тесную связь юридически защищенной частной собственности с интерпретациями «прирожденных прав английского народа», столь характерными для раннесовременного периода.

Реформы права в раннесовременную эпоху позволили подданным английской короны обрести юридически гарантированное право частной собственности – право, в отсутствие которого остальные права, по убеждению англичан того времени, не значат почти ничего. Теоретическое осмысление проблем собственности в этот период позволило сформироваться чрезвычайно широкому понятию собственности, включающему в себя не только вещи, но и вообще все, на что человек может обратить свое притязание, включая его жизнь и свободу. Также очевидно, что юридическая защита права собственности не стала бы реальностью без предваряющего ее уважения к частной собственности [16. Р. 124].

В английском обществе революционной поры было широко распространено убеждение в том, что права – это защита от государства, а собственность – мощный оплот против притязаний государственной власти. Характерным подтверждением этого взгляда являются любопытные данные, приведенные некогда профессором Дж. Миллером в работе, посвященной проблемам английского конституционного устройства в эпоху поздних Стюартов. Анализируя причины принятия *Habeas Corpus Act* в 1679 г., автор указывает на прямую связь конституционного закрепления личных прав и прав собственности с тем, что доля принадлежащего собственно короне имущества в отношении к национальному доходу страны сократилась в XVII в. впятеро, составив в 1690 г. немногим более 3 %. [17. Р. 42].

Рассматривая идею собственности и ее институциональное воплощение в рамках четко фиксированных в праве и юридических процедурах гарантий, можно по-иному взглянуть на многие исторические события. Применительно к истории Англии в раннее Новое время гипотеза будет выглядеть так: оформление конституционной монархии, ограничение прерогативных полномочий короны и признание неотъемлемых прав личности стало возможным благодаря приватизации собственности и господству права, определившего и воплотившего в надежной судебной процедуре ее четкие юридические гарантии, что позволило трактовать «прирожденные права английского народа» как его собственность и неотъемлемое достояние. Очевидно, что из всех конфигураций собственности только частная собственность могла обеспечить, пусть и достигнутый через серьезные потрясения, но долговременный социальный консенсус и экономическое благополучие английского общества в раннее Новое время. Исследование взаимопроникновения права и теории собственности дает веские основания утверждать, что институт юридически защищенной частной собственности является «недостающим элементом» успешной модернизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
2. *Hallam H.* View of the State of Europe During the Middle Ages. New York, 1874 (reprint); *Macfarlane A.* The Origins of English Individualism. Oxford, 1978.
3. *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1994; Он же. Смуты и институты. – М., 2009.
4. *De Soto H.* The Missing Ingredient // *The Economist*, 11-17 September, 1993; Сото Э де. Иной путь. Челябинск, 2007. (Первая статья была найдена едва ли не случайно (но очень удачно) во время сбора материала для дипломной работы, дальнейшие изыскания стали предметом профессионального интереса).
5. *Пайнс Р.* Собственность и свобода. – М., 2000; Бетелл Т. Собственность и процветание. – М., 2008.
6. *Cit. no: Delaney V.T.* Frederic William Maitland Reader. New York, 1957.
7. *Суслопарова Ю.В.* Английские юристы XIII-XVIII вв. о природе английского права // *Правоведение*. – 2009. – № 2.
8. *Macfarlane A.* The Origins of English Individualism. Oxford, 1978.
9. *Пайнс Р.* Собственность и свобода. – М., 2000.
10. *Гроций Г.* О праве войны и мира. – М., 1956.
11. *Allen J.W.* English Political Thought. – 1938. – P. 1603-1640.
12. *James Harrington.* The Commonwealth of Oceana and a System of Politics / Ed. by J. G.A. Pocock. Cambridge, 1992.
13. Опубликовано в: Two English Republican Tracts / Ed. by C. Robbins. Cambridge, 1969.
14. *Берман Г.Дж.* Средневековое английское право справедливости. В кн.: Вера и закон: примирение права и религии. – М., 2008.
15. *Берман Г.Дж.* Право и вера в трех революциях. В кн.: Вера и закон: примирение права и религии. – М., 2008.
16. *Cotterell M.* Interregnum Law Reform // *English Historical Review*. – 1968. – P. 83.
17. *Miller J.* The Potential for «Absolutism» in Later Stuart England // *History*. – 1983. – P. 89.

Клочков Виктор Викторович

Технологический институт федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.
E-mail: klochkov@tsure.ru.
347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.
Тел.: 88634371427.

Klochkov Viktor Viktorovich

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.
E-mail: klochkov@tsure.ru.
44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.
Phone: +78634371652.

ББК 67.3

В.С. Назарова

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛУСВОБОДНЫХ И РАБОВ
В АНГЛОСАКСОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ VII-VIII ВВ.**

Целью настоящей работы является анализ социального статуса полусвободных и рабов в англосаксонском обществе в раннее средневековье. В работе анализируются важнейшие направления в историографии вопроса и прослеживаются основные историографические дискуссии по рассматриваемому вопросу в отечественной и зарубежной медиавистике и истории права.

Полусвободные и рабы; социальная стратификация; англосаксонское общество в раннее средневековье.